

Е. Феоктистов

**Материалы для истории
просвещения в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. Феоктистов**
Материалы для истории просвещения в России / Е. Феоктистов – М.: Книга
по Требованию, 2018. – 231 с.

ISBN 978-5-517-96897-5

ISBN 978-5-517-96897-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Дать тридцать тому назад имя Магницкаго пользовалось большою, хотя и далеко не лестною, известностью въ обществѣ. Теперь оно почти совсѣмъ забыто. Разказы о немъ его современниковъ не проникаютъ изъ тѣснаго кружка лицъ въ массу публики; въ печати нельзя указать ни на одно произведение, гдѣ находилось бы сколько-нибудь обстоятельное упоминаніе объ его дѣятельности. Въ превосходной монографіи о Сперанскомъ барона Корфа сообщены нѣкоторыя подробности о томъ времени его службы когда состоялъ онъ при этомъ государственномъ человѣкѣ и дѣйствовалъ совершенно въ его видахъ; Н. А. Поповъ представилъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1859 г. томъ XXIII) въ статьѣ: *Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани, краткій очеркъ его управленія казанскихъ университетомъ*, на ос-

нованіи различныхъ періодическихъ изданій того времени. Если присоединить къ этому нѣсколько документовъ, обнаруженныхъ въ *Русскомъ Архивѣ* (1864 г.), то вотъ, кажется, и все что было писано о Магницкомъ. А между тѣмъ личность его заслуживаетъ внимательнаго изученія и сама по себѣ, и по направленію, котораго онъ держался, — направленію, явившемуся далеко не случайнымъ въ исторіи тогдашняго общества.

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, происходившій, по словамъ барона Корфа, отъ хорошей, хотя и не достаточной фамиліи, родился въ 1778 году. Окончивъ блестящимъ образомъ курсъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, онъ поступилъ сначала на службу въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ, потомъ продолжалъ ее въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ и Парижѣ; возвратившись въ 1802 г. въ Россію, занималъ онъ различныя должности до тѣхъ поръ пока не сошелся съ Сперанскимъ и не сдѣлался ближайшимъ повѣреннымъ сызкимъ предначертаній и плановъ этого государственнаго мужа. Съ этого времени начинается извѣстность Магницкаго. Говорить объ этомъ періодѣ его жизни мы считаемъ излишнимъ: изъ сочиненія барона Корфа можно безошибочно заключить, что дѣятельность его не отличалась самостоятельнымъ характеромъ, что онъ былъ не болѣе какъ исполнителемъ идей замѣчательнаго человека, возбуждившаго противъ себя

столь глубока антипатія въ тогдашнемъ обществѣ, исполнителемъ талантовъ, въ которомъ нельзя было отрицать ни остроумія, ни живости, ни прилежанія къ труду. Магницкій палъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ: онъ былъ сосланъ въ Вологду, гдѣ оставался отъ 1812 до 1816 года, то есть до назначенія своего воронежскимъ вице-губернаторомъ. Если бы въ это время совершенно прекратилась его дѣятельность, онъ унесъ бы съ собою репутацию ревностнаго поборника широко задуманныхъ преобразованій, главныхъ двигателей которыхъ былъ Сперанскій. Судба рѣшила иначе. Послѣ кратковременнаго исправленія должности воронежскаго вице-губернатора и затѣмъ гражданскаго губернатора въ Сибирскѣ, Магницкій перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ занялъ мѣсто члена главнаго правленія училищъ и затѣмъ попечителя Казанскаго учебнаго округа. Въ этотъ-то періодъ своей дѣятельности, т. е. отъ 1819 до 1826 года, успѣлъ онъ составить себѣ печальную извѣстность какъ неутомимый поборникъ обскурантизма и ревностный гонитель всякой свободы мысли и слова въ нашемъ отечествѣ, связавшій свое имя съ цѣлымъ рядомъ стѣснительныхъ мѣръ.

Уже въ то время, когда Магницкій трудился подъ руководствомъ Сперанскаго, имя ослѣдѣло, какъ выражается баронъ Корфъ, « лихорадочное стремленіе къ власти, почестямъ и богатству. » Одно время ногъ

онъ мечтаетъ о возможности удовлетворенія этихъ страстей ; онъ пользовался званіемъ статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ ; въ качествѣ директора комиссіи составленія военныхъ уставовъ* и увоженій имѣлъ онъ личные доклады у государя : все улыбалось, повидѣмому, этому честолюбивому человеку, едва преступившему тридцатилѣтній возрастъ, какъ вдругъ катастрофа Сперанскаго разбила разомъ всю его надежды. Магницкій не упалъ, однако, духомъ : получивъ возможность снова начать службу, рѣшился онъ достигнуть во что бы то ни стало предположенной имъ цѣли, не гнушаясь никакими средствами, служа самымъ противнымъ убѣжденіямъ. Изобразить его дѣятельность въ это время значило бы рисовать картину темныхъ интригъ, клеветъ, доносовъ, неблагоприятныхъ отношеній его къ различнымъ лицамъ, отъ которыхъ ожидалъ онъ покровительства и милостей. Все это крайне любопытно какъ для характеристики самого Магницкаго, такъ и тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ игралъ онъ роль, но для всего этого мы не имѣемъ необходимыхъ матеріаловъ ; почти ничего не знаемъ мы о тѣхъ проискахъ, которыми приобрѣлъ онъ благосклонность князя А. Н. Голицына ; столь же мало известно намъ объ отношеніяхъ его къ Аракчееву, причинившихъ отчасти, какъ говорятъ, выходъ князя Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія ; наконецъ отношенія его къ различнымъ сослужив-

цахъ его по министерству, къ попечителямъ учебныхъ округовъ, къ членамъ главнаго правленія училищъ, ко многимъ лицамъ, сдѣлавшимся жертвами его происковъ— все это покрыто пока тайной, и обо всемъ этомъ можно судить не иначе какъ по догадкамъ и по отрывочнымъ разказамъ современниковъ. Н. А. Поповъ, въ упомянутой нами выше статьѣ, говоритъ, что переписка между Магницкимъ и членами Казанскаго университета того времени до сихъ поръ еще хранится у нѣкоторыхъ лицъ. Весьма желательно было бы видѣть обнародованіе этой переписки, и теперь, кажется, уже наступила для этого удобная минута, тѣмъ болѣе, что едва ли находятся еще въ живыхъ тѣ, которымъ повѣрага Магницкій свои мысли и побужденія. Въ ожиданіи этого мы рѣшаемся представить очеркъ служебныхъ занятій Магницкаго по министерству народнаго просвѣщенія на основаніи тѣхъ документовъ, которые находились въ нашемъ обладаніи: документы эти, какъ увидитъ читатель, относятся, такъ сказать, лишь къ оффиціальной дѣятельности Магницкаго, въ той, которая проявлялась наружу, о которой можно судить на основаніи его собственныхъ донесеній, отчетовъ, а также докладныхъ записокъ генералъ-майора Желтухина, получившаго въ 1826 году предписаніе осмотрѣть Казанскій университетъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя нами, могутъ служить, слѣдовательно, не болѣе какъ матеріаломъ для подробной біографіи

Магницкаго : тѣмъ лицамъ, которыя знакомы съ закулисною хроникой того времени, предоставляемъ ны пополнить ихъ подробностями о таинственныхъ похожденияхъ этого « нравственнаго феномена », какъ называли его, не оставившихъ слѣдовъ въ архивахъ министерства и Казанскаго университета.

Чтобы оцѣнить характеръ дѣятельности Магницкаго, необходимо обратить вниманіе на тѣ обстоятельства, среди которыхъ она развивалась. Известно, какія мрачныя послѣдствія имѣла для всей Германіи смерть Коцебу, павшаго въ мартѣ 1819 года отъ руки студента Занда. Исторія Вартбургскаго праздника, злодѣйское покушеніе Карла Леннига противъ президента фонъ-Ибеда въ связи съ упомянутымъ сейчасъ убійствомъ — все это возбудило тревогу въ правительствахъ и заставило ихъ обратить подозрительное вниманіе на состояніе умовъ. Назначена была, такъ называемая, центральная коммиссія для изслѣдованія демагогическихъ знаменсловъ, а между тѣмъ въ совѣщаніяхъ министровъ всѣхъ германскихъ государствъ, происходившихъ въ Карлсбадѣ, принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ противъ свободы преподаванія въ университетахъ: автономія университетовъ получила сильный ударъ, профессоры и студенты были отданы повсюду подъ надзоръ уполномоченныхъ отъ правительства чиновниковъ; и если, по донесенію этихъ чиновниковъ, профессоръ нарушалъ общественное спокойствіе и порядокъ,

то онъ былъ немедленно удаленъ, и никакое изъ германскихъ государствъ не могло давать ему наездры; исключенные студенты не были приняты въ другіе университеты и т. д. Одновременно съ этимъ, введена была цензура для всѣхъ періодическихъ изданій и принялись другія административныя распоряженія, отнѣсившіяся такнмъ же стѣснительнымъ характеромъ.

Новый порядокъ вещей въ Германіи не замедлилъ отразиться и на нашемъ отечествѣ. Магницкій вступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія въ званіи попечителя Казанскаго учебнаго округа, въ то самое время, когда распространилась мысль о необходимости подчинить университетское преподаваніе строгому надзору, и онъ явился ревностнымъ поборникомъ этой мысли. Онъ не нуждался въ постороннихъ побужденіяхъ и внушеніяхъ, — напротивъ, инициатива всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ шла преимущественно отъ него. Ему казалось вполне возможнымъ, опираясь на могущественное содѣйствіе князя Голицына, измѣнить всю систему образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и построить ее, по собственному его выраженію, «на актѣ священнаго союза»; нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ мечталъ сдѣлаться необходимымъ человекомъ для правительства, внушить ему высокое понятіе о предполагаемыхъ имъ преобразованіяхъ и такнмъ образомъ открыть себѣ широкій путь къ почестямъ и славѣ.

Магницкій не могъ не сознавать, что всѣ люди съ истиннымъ образованіемъ и независимымъ образомъ мыслей будутъ противъ него, но онъ имѣлъ причины не смущаться недоброжелательствомъ; въ рукахъ его было сильное орудіе противъ враговъ — клеветы, доносы, противъ которыхъ не было средствъ оградить себя предосторожностью и добросовѣстнымъ исполненіемъ своего долга.

Выдерживая борьбу съ многочисленными противниками, Магницкій старался образовать около себя кружокъ людей, который дѣйствовалъ бы съ нимъ въ однихъ видахъ. Вскорѣ удалось ему найти себѣ ревностнаго союзника между членами главнаго правленія училищъ: мы говоримъ о Руничѣ. Человѣкъ этотъ, по отзывамъ многихъ, знавшихъ его лично, отличался умомъ живымъ, но не способнымъ сосредоточиться ни на какомъ вопросѣ, совершеннымъ отсутствіемъ твердости характера, и вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбіемъ и жаждою почестей не оправдываемыя ни его способностями, ни познаніями. Онъ сдѣлался послушнымъ исполнителемъ вѣншей Магницкаго, его креатурою, его вѣрнымъ отголоскомъ. Магницкій ревностно содѣйствовалъ его возвышенію, съ одной стороны, потому что могъ опираться на него въ главномъ правленіи училищъ, съ другой — потому что находилъ положительно выгоднымъ утверждать, мало-по-малу, свою систему не въ одномъ только Казанскомъ, но и въ другихъ университетахъ.

До какой степени готовъ былъ Руничъ слушать вѣрныя орудія Магницкаго, доказалъ онъ въ исторіи профессора Куницына, о которой считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь подробно. Въ 1820 году, директоръ Царскосельскаго лицея, генералъ Энгельгардтъ обратился къ министру съ просьбою поднести императору Александру экземпляръ только что издавнаго Куницынымъ сочиненія: *Право естественное*. Когда книга эта поступила на предварительное разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ, то встрѣчена была сначала весьма благопріятными приговорами; одинъ изъ членовъ, г. Фуссъ, представилъ подробный разборъ ея, въ заключеніе котораго говорилъ, что она заслуживаетъ вполнѣ быть поднесенною государю. Черезъ нѣсколько дней, однако, Руничъ посѣдивъ представить свой отчетъ объ этой книгѣ слѣдующаго содержанія:

«Прочитавъ доставленную ко мнѣ, при выпискѣ изъ журнала ученаго комитета главнаго правленія училищъ, книгу, подъ заглавіемъ: *Право естественное*, сочиненіе профессора Царскосельскаго лицея, Куницына, воставляю обязанностью изложить, ниже сего, мое мнѣніе, касательно ея духа и ученія, не только опасныхъ, но и разрушительныхъ въ отношеніи къ основаніямъ вѣры и достовѣрности Св. Писанія: и къ сему побуждаюсь не одними внушеніями совѣсти, но и правилами, изложенными въ *Наставленіи для руководства ученаго комитета, учреж-*

делною при такомъ паралели училищъ, гдѣ сказано: «главное и существенное служеніе состоитъ въ томъ, чтобы народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ направить къ истинной и высокой цѣли: къ водворенію въ отечествѣ нашей постоянного согласія между еярою, судьбою и властью; или между христіанскими благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ.»

«Выборъ, составленіе и распространеніе учебныхъ книгъ, соответствующихъ вполне выше сего указанной и безъ всякаго сомнѣнія *спасительной* цѣли, вѣрены въ особенности ученому комитету, который, обозрѣвая весь кругъ христіанскаго, учебнаго и гражданскаго воспитанія, обязанъ всѣ вообще стихійныя книги, употреблемыя и пововодимыя, разсматривать, повѣрять и соображать *по буквальному содержанію и духу*, притѣвая и устремляя свои осужденія къ главному концу, предположенному правительствомъ въ просвѣщеніи россійскаго юношества: и все противное или чуждое священной цѣли отклонять отъ системы преподаванія.

«Далѣе, въ семъ же наставленіи для руководства ученаго комитета, Священное Писаніе указано какъ источникъ всего. Итакъ, всякое ученіе, всякая система, всякая наука, немогущая выдержать пробы на самъ себя, необходимо слѣдуетъ быть отвер-